

тив Л. Г. Корнилова [5, с. 24]. 17 чехов, состоявших в организации ЧСДРП в Екатеринославе, в апреле 1918 г. были казнены [4, с. 57].

Основной трудностью в изучении данной проблемы является установка количественной оценки интернационалистов на украинской территории в этот период. Например, многие чехи и словаки сражались в сводных отрядах, не имеющих никакого отношения к ЧСДРП, однако первое боевое крещение чехословацкие интернационалисты получили именно на Украине. Не случайно, что многие из солдат и офицеров в будущем составили костяк новых интернациональных частей, сражавшихся на фронтах Гражданской войны.

Литература

1. *Антонов-Овсеенк В. А.* Записки о гражданской войне. М-Л. 1924.
2. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами советской России. М. 1957.
3. *Голуб Л. А.* Братство, скрепленное кровью. М. 1958.
4. Документы и материалы по истории чехословацкого интернационального движения // Исторический Архив. 1957. N4. с. 51–64.
5. Интернационалисты в борьбе за власть советов на востоке и юге. М. 1971.
6. *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М. 1965.
7. *Шубин Г. Я.* Гашек. Минск. 1982.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943–1953 ГГ.: НАПРАВЛЕНИЯ, ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ

А. Б. Елисеев

Одной из основных задач историографии является выделение различных направлений исторической мысли и анализ взглядов, характерных для них. Это позволяет определенной представить развитие исторической науки на каком-либо этапе ее развития, выявить особенности исторических концепций в зависимости от условий (политических, экономических, идеологических, культурных), в которых происходил процесс исторического познания.

Взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви неоднократно становились объектом исторического исследования. Хронологически охватываемый период – 1943–1953 гг. – время кардинального улучшения отношений между государством (в лице отдельных органов государственной власти, руководства Советского Союза) и

Московским Патриархатом, когда последний был призван играть значительную роль во внутренней жизни СССР, а также внешнеполитической деятельности Советского Союза.

Процесс исследования государственно-церковных отношений в 1943–1953 гг. продолжается уже более полувека – со второй половины 40-х гг. XX века. Внутри этого временного отрезка можно выделить следующие периоды: 1) 2-я половина 1940-х гг. – середина 1950-х гг. характеризовалась появлением работ по истории государственно-церковных отношений в послевоенный период, принадлежавших советским историкам и авторам русского зарубежья, сохранялась относительная свобода советских исследований (в рамках доброжелательного курса государства в отношении РПЦ); 2) 2-я половина 1950-х гг. – 2-я половина 1980-х гг. – постепенная унификация и регламентация советских исследований, скупость и краткость изложения; расцвет литературы русского зарубежья; 3) конец 1980-х гг. – настоящее время – объективное изучение процессов государственно-церковных отношений, восстановление существовавших пробелов; публикация работ как обобщающего характера, исследующих комплекс взаимоотношений Советского государства и РПЦ, так и работ, посвященных конкретным аспектам этих отношений.

Совокупность русскоязычных работ, рассматривающих вопросы взаимоотношений государства и православной церкви в СССР в 1943–1953 гг. представлена тремя большими группами: работами советских авторов, исследованиями представителей русского зарубежья и современными исследованиями.

Главной особенностью советской историографии вопроса является обзорный характер большинства работ, созданных в рамках господствовавшей в СССР идеологии и рассматривавших события с официальной негативной позиции в отношении религии [4; 7]. Эти исследования затрагивали достаточно узкий круг государственно-церковных проблем, рассматриваемый период не выделялся в качестве отдельного этапа истории РПЦ, но характеризовался как время окончательной нормализации государственно-церковных отношений [7, с. 103]. При этом главным объектом изучения было поведение самой церкви, модернизационные («приспособленческие») процессы русского православия к условиям социалистического государства, деятельность властных советских структур практически не рассматривалась. Такое положение объясняется общей незаинтересованностью советских исследователей в глубоком изучении истории Русской православной церкви после Октябрьской революции. Внутри советского комплекса исследований выделяется важная подгруппа – работы православных историков и богословов [3; 14]. Церковные

авторы приступили к разработке проблемы взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви в 1943–1953 гг. раньше своих светских коллег [14]. Объяснение этому видится в необходимости как можно более скорого обоснования для мирового сообщества процессов нормализации отношений с государством, начавшихся в первой половине 1940-х гг. В мире они были восприняты крайне неоднозначно и особенно негативную реакцию вызвали в среде русской религиозной эмиграции, обвинившей РПЦ в полном подчинении атеистическому государству, уничтожающему религию. Поэтому оперативный ответ самой церкви на обвинения в предательстве интересов русского православия был для нее очень важен.

Критический подход к освещению взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви в 1943–1953 гг. составляет основное содержание работ представителей русской эмиграции [6; 10; 11; 12]. Внутренняя дифференциация комплекса этих исследований проходит по линии юрисдикционной принадлежности авторов к различным ветвям русского православия за границей. По справедливому замечанию современного историка А. В. Попова это делало зарубежных авторов не свободными от «идеологических пут» [9, с. 11]. Не всегда свободными в изложении своих взглядов авторы русского зарубежья были и по другой причине. Имели место случаи давления на них с целью корректировки некоторых позиций в сторону увеличения критики государственно-церковных отношений в СССР, придании им большего негатива. Например, известное парижское издание YMCA-Press само сделало около 40 исправлений в книге М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». По этому поводу М. А. Поповский писал: «Намучившись за годы своей литературной деятельности от советской цензуры. Я был возмущен цензурными указаниями, прибывшими из Парижа» [10, с. 16]. Большинство авторов русского зарубежья компромиссный курс Московской Патриархии рассматривался в качестве недопустимого для подлинно православной церкви. Исходя из этого, утверждалось, что Русская православная церковь в Советском Союзе предательски коллаборировала с «противохристианским» государством.

Наиболее разнородными и по занятой в отношении той или другой стороны позиции, и по глубине и характеру исследования являются работы современных авторов. То широкое поле деятельности, которое появилось у историков с конца 1980-х гг., обеспечило к настоящему времени наличие работ, раскрывших ранее неизвестные или малоизвестные факты из истории советских государственно-церковных отношений. Здесь можно выделить своего рода переходный этап – работы рубежа 1980-х –

90-х гг. еще сохраняют приверженность прежней советской концепции взаимоотношений между государством и православной церковью, но элементы нового подхода уже отчетливо проявляются [1; 8]. По мере знакомства с ранее недоступными документами увеличивается степень объективности большинства работ. В это время появляется ряд крупных обобщающих монографий М. В. Шкаровского, О. Ю. Васильевой, Т. А. Чумаченко, А. Н. Кашеварова, которые специально рассматривают проблемы отношений государства и церкви в 1943–1953 гг. [2; 5; 16; 17]. Расширение источниковой базы позволяет исследователям сосредоточиться на отдельных, более узких вопросах (анализ правового положения РПЦ, изучение структуры ее управления, деятельность Совета по делам Русской православной церкви и др.). Новым для историографии становится выделение региональных особенностей политики государства в отношении Русской православной церкви. В рамках современных научных исследований стало возможно устранение идеологических разногласий.

Отдельного внимания заслуживают исследования современных церковных авторов, т.к. они являются отражением современного взгляда РПЦ на свой исторический путь в XX столетии. Стремление отмежеваться от послевоенной просталинской позиции РПЦ по отношению к внешней и внутренней политике Советского Союза является характерной особенностью этих работ [13; 15].

К другим приоритетным проблемам российской историографии относятся: факторы, повлиявшие на перемены государственно-церковных отношений в СССР в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, укрепление позиций Московской Патриархии внутри страны (открытие новых приходов, создание учебных заведений, издательская деятельность) и на международной арене (отношения с Поместными православными церквями, экуменическим движением, Русской православной церковью за границей), определение личностных позиций высших церковных иерархов к изменению места и роли Русской православной церкви в условиях советского государства, реакция рядового духовенства, верующих, а также партийного аппарата, рядовых коммунистов на эти изменения.

Литература

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М. 1991. 400 с.
2. *Васильева О. Ю.* Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М. 2001. 214 с.
3. *Ведерников А. В.* Русская Православная Церковь после кончины Патриарха Сергия // Патриарх Сергий и его духовное наследие. М. 1947. С. 271–411.
4. *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л. 1988. 302 с.

5. *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и русской православной церкви. 1917–1945. СПб. 1995. 139 с.
6. *Константинов Д. В.* Гонимая Церковь. Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк. 1967. 384 с.
7. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М. 1982. 263 с.
8. *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М. 1994. 172 с.
9. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М. 2005. 619 с.
10. *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М. 2001. 480 с.
11. *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви, 917–1945. Париж. 1977. 628 с.
12. *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. – Джорданвилль. 1988. Ч. 1. 299 с.; Ч. 2. 279 с.; Ч. 3. 275 с.
13. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М.. 2003. 1008 с.
14. *Троицкий г.* Русская Православная Церковь в 1917–1967 гг. // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 11. С. 38–45.
15. *Цытин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. М. 1997. 832 с.
16. *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М. 1999. 248 с.
17. *Шкаровский М. В.* Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. М. 2000. 400 с.

«AUT CAESAR, AUT NIHIL»

Е. П. Еремина

Крылатые латинские фразы и выражения прочно вошли в нашу жизнь благодаря тому, с какой лаконичностью и точностью в них отражена человеческая мудрость. Несмотря на это, употребляя в своей речи то или иное выражение, человек часто не только ничего не знает о его происхождении, но и не всегда знаком со значением, которое с течением времени может меняться.

Очень интересным выражением, с точки зрения перемены смысла, является фраза «Aut Caesar, aut nihil». Первоначально она была девизом, основанным на словах римского императора Калигулы: «Aut fugi hominem esse oportet aut Caesarem» – «Надо быть либо бережливым, либо Цезарем».

Этими словами Калигула хотел оправдать свою расточительность.

Римский историк Гай Светоний Транквилл в «Жизнеописании двенадцати Цезарей» («Vita XII Caesarum», Caligula, XXXVII) рассказывает о Калигуле:

«Nepotatus sumtibus omnium prodigorum ingenia superavit...convivis ex aure panes et opsonia opponeret: “aut fugi hominem esse oportere, dictitans,